

18+

ДИН ХУК

**НАЦИОНАЛЬНОЕ
ДОСТОЯНИЕ**

Дин Хук

Национальное достояние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57438457

ISBN 9785005135636

Аннотация

Каждый найдет в этой книге себя. Это история о жизни парня, история становления личности. История про маленькие детали, которые на первый взгляд кажутся не важными, но в итоге определяют жизнь. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	6
Сентябрь	6
День второй	9
Настя	12
Посвящение	13
Риторика	16
Алена	18
Ефим	22
Библиотека	25
Маша	28
БЖД	30
Выбор	31
ВИДы	35
Начало	36
Николя	38
Латынь	41
Москва-Купавна-Москва	43
Не имеют права	45
Физкультура	49
Переезд	52
Багет	55
Часть вторая	57
Студенты	57

Несговорчивый Леонард	60
Птичий рынок	64
Польша	67
Никита Осанав	71
Все, я выиграл	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Национальное достояние

Дин Хук

© Дин Хук, 2020

ISBN 978-5-0051-3563-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Руслану, Алексею, Эльдару и Софии Кодзовой за профессиональное редактирование текста.

I look at you and i don't see an intelligent, confident man.

I see a cocky, scared shitless kid.

Этот роман – художественное произведение, и ни один персонаж не призван намеренно изображать реальное лицо или сочетание реальных лиц.

Часть первая

Сентябрь

Сентябрь. Первый учебный день. Состояние эйфории. Я иду вдоль железного забора. Джинсы, рубашка, пиджак. Впереди меня – девушка, в платье-футляре. Немного пухловатая. Я обгоняю ее, заворачиваю на парковку, прохожу через нее. Перед глазами главный вход в «лучший педагогический университет России», так о нем говорят. Широкая лестница – примерно в пятнадцать ступенек – ведет на крыльцо, выше которого красуется надпись: «Национальное достояние России». Поднявшись на крыльцо, оказываюсь у двери, открывающейся в обе стороны – пендельтюр, такие же, как в метро, не хватает только наклейки «Нет входа».

Педагогический университет, третий этаж, исторический факультет. В коридоре пусто. Достаточно узкий и при этом длинный коридор, густо утыканный аудиториями, которые своими размерами больше напоминают маленькие классы. Пройдя в одну сторону и никого не встретив, я развернулся и увидел девушку, которую я обогнал на улице пять минут назад.

– Ты на собрание истфака? – спросил я.

– Да, только вот не могу понять, куда идти.

Мы плутали по коридорам, пока кто-то не перенаправил нас с третьего этажа на второй. Вместо маленьких классов здесь располагались большие «классические» аудитории, с цельными длинными скамейками, установленными под наклоном сорок пять градусов. Аудитория была заполнена гудящей массой. Усевшись в заднем ряду, я стал осматриваться. Мое внимание привлек один парень. Он стоял в компании нескольких преподавателей и что-то с важным видом рассказывал им. В руке он держал увесистую связку ключей, которой периодически вертел у пояса. Двухметровый кабан, по форме напоминавший кеглю, в коротких штанах и с деревенским лицом. К столу, стоявшему напротив меловой доски, чуть правее кафедры, подошла преподаватель и попросила тишины.

– Здравствуйте ребята. Меня зовут Алина Михеевна. Я преподаватель физической культуры. В нашем университете есть много спортивных секций: футбол, волейбол, шахматы и так далее. Сейчас я хочу попросить вас взять листки и написать на них ВСЕ ваши спортивные достижения, и, разумеется, фамилию и инициалы. Листки передайте потом на первую парту.

Никаких спортивных достижений у меня не было, если не считать турник после футбола. Поэтому я стрельнул у ребят, сидевших впереди меня, листок и написал: «МФК „Факел“ – шесть месяцев. Ананидзе Д.»

На этом мероприятие закончилось, и я скооперировался

со своей новой знакомой. Мы вместе отправились домой.

– Мне до дома на троллейбусе можно добираться, или проехать одну остановку в метро, – сказала она.

– Мне тоже можно на троллейбусе, – сразу же отметил я, чтобы наши пути не разошлись.

Мы болтали о всякой ерунде и договорились завтра встретиться, до университета.

– А ты где живешь? Мне на конечной выходить.

– Мне тоже, – слукавил я. На самом деле мне нужно было пересесть на другой троллейбус и уже на нем доехать до центра.

День второй

На следующий день я встретился с ней в метро, на ее станции. Мы проехали еще одну, вышли и направились в сторону университета. Уже там поняли, что мы в разных группах. Не помню, о чем мы говорили эти два дня, но, как оказалось, ни разу не касались учебных тем. Заговори мы про универ, сразу стало бы ясно, что направления подготовки у нас разные.

Я быстро отыскал нужную аудиторию. За первой партой, прямо у двери, сидели двое – парень и девушка, и о чем-то болтали. Похоже, они знали друг друга еще до поступления в университет. Я прошел в конец аудитории и расположился за предпоследней партой. Рядом со мной села девушка.

– Привет. Полина, – представилась она.

– Дима. Есть листочек? – ответил я.

Не помню, какая это была пара, и кто был педагогом. Но одно я запомнил. Как только пара закончилась, я обратил внимание на пухлощекоего парня, сидевшего сзади нас. На парте он разложил плеер, наушники мониторного типа и электронную книжку. В аудиторию зашла полноватая женщина маленького роста и представилась нам, как преподаватель английского. После чего сообщила, что нам предстоит сейчас пройти тест, по результатам которого она примет решение, в какие группы по английскому языку нас распреде-

лить: к ней или к другому преподавателю.

Я задумался. Одной из причин моего поступления на исторический факультет было отсутствие математики и уж тем более – всяких «линалов» на первом курсе. Дела с английским у меня обстояли ничуть не лучше, чем с алгеброй. Но к счастью женщина объявила, что на факультете мы можем выбрать еще два языка: немецкий и французский.

Эта новость меня сильно обрадовала, и я, не раздумывая, записался на французский. Я учился в обычной школе, но в гимназическом классе, что позволяло, и одновременно обязывало изучать второй иностранный язык. И этим языком у меня был французский.

– Я волнуюсь, у меня с английским не очень, – сказала Полина.

– Так записывайся на другой язык, в чем проблема? – удивился я.

– Я хочу и туда, и туда.

– Женщины не знают меры, – прозвучало с задней парты.

Мы обернулись, и Полина спросила:

– Почему ты так думаешь?

– Все очень просто. Это заложено самой природой, – ответил парень.

Он говорил так, будто он «понял» жизнь.

– Когда женщины защищают потомство, они, как матери, должны уничтожить своего врага, и тут нет места для раздумья. Вот мы, мужчины, – другое дело. Если кто-то захочет

на меня напасть, – парень сделал кивок в мою сторону, – я просто разобью ему лицо и на этом остановлюсь. А женщины будут бить друг друга до смерти. Мы с врагом уже забудем наш конфликт через пару месяцев, а женщины помнят такое много лет.

Я посмотрел на парня. Главное, что я понял из его монолога: «он разобьет мне лицо и на этом остановится».

– А ты уверен в этом? – спросил я.

– Уверен в чем? – с удивлением спросил он.

– В том, что разобьешь мне ебальник, а не наоборот?

Парень слегка растерялся. Что было достаточно странно. Во-первых, я задал ему этот вопрос, чтобы не ударить в грязь лицом перед девушкой, и это было понятно. Во-вторых, он был гораздо крупнее меня.

– Я не то имел в виду, – начал он быстро, немного растерявшись, бормотать. – Я говорю о том, что девушки устроены не так. Мы, парни, не зацикливаемся на мелочах. Ты разобьешь мне ебальник, и остановишься. А у них нет чувства контроля. Ну, ты понимаешь?

Мне он показался достаточно странным парнем. На этом наша дискуссия завершилась, так как все листочки с тестами были собраны, и толпа отправилась в столовую на перекус.

Настя

Полина познакомила меня с Настей. Это была симпатичная и веселая девушка. И, более открытая, чем Полина, что, естественно, располагало к общению. К тому времени она уже успела подружиться с тем самым парнем, который сидел с девушкой около входа в аудиторию, во второй день моего посещения университета. Оказалось, что у него есть интересное хобби: он переодевался в транс и пел всякую дичь со сцены, в местах скопления любителей засунуть свою сосиску промеж булок пацанам в женском платье. Мои новые подруги воспринимали его вокальные увлечения крайне положительно. Так как Настя мне понравилась больше, я начал подумывать о том, как бы подкатить к ней яйца.

Посвящение

Кто-то из студентов решил устроить неофициальное посвящение. Все, что я знал о подобном мероприятии, это то, что точно понадобится алкоголь. О чем мне к концу занятий напомнили Полина и Настя. После пар я поехал домой, оставив их в университете. Несмотря на то, что я попросил их позвонить мне заранее, чтобы успеть все купить и приехать к началу, они позвонили мне в разгар мероприятия. Я готов был выходить из дома и ехать к ним, но оставалось главное – купить алкоголь.

Еще в школе учитель физкультуры показал нам классную вещь. Для соревнований по волейболу нужны были люди, которые хотя бы знают, как выглядит мяч. А большинство таких учились в старших классах. И он научил нас, как это можно исправить. Нужна копия паспорта, с нужной вам датой рождения, сам паспорт и копир. Далее вырезаем цифры с копии, приклеиваем на паспорт, который нужно подправить, и делаем копию. С этой копии делаем еще одну, чтобы качество было похуже и «voilà», – у нас есть копия документа с нужным возрастом. Эту же процедуру я проделал со своим паспортом, накинув себе лишний год, поэтому с покупкой алкоголя проблем не было.

Когда я добрался до университета, большинство моих коллег уже были «хорошенькими». Я принес девочкам за-

казное ими пиво и пачку сигарет, а они со мной расплатились. Застолье проходило в большой лекционной аудитории на втором этаже, которая по какой-то причине была открыта. Никого не смущало, что первокурсники выпивают в университете. Я относился к этому нейтрально, а позже и вовсе узнал, что для нашего университета это было нормой.

Студенты разделились на группки, я общался с Полиной и Настей, позже к нам присоединились двое парней. Один был похож на типичного русского Ваньку. Ему не хватало гопарьской кепки и ожидающего его на парковке тазика. Второго звали Гоша Салливан. Он хотел казаться гиком. На предплечье у него была татуировка «A long ago in a galaxy far, far away...»

Когда все пиво было выпито, а пузырь виски, принесенный другими ребятами, заканчивался, было принято решение идти в магазин, где мы взяли еще две бутылки виски. Было уже темно, когда наша компания решила расходиться. По пути к метро я вел под руку слегка шатающуюся Настю. Мы с ней разговаривали:

– Представляешь, – шептала она мне на ухо, чтобы никто не услышал, – Ванька звал меня погулять.

– А что ты? – спросил я.

– Конечно, сказала нет, ну как я могла сказать да?

– Что, он настолько плох, даже для одной прогулки? Или дело не в этом?

– Ну, так же нельзя, прямо в лоб говорить, тем более – да,

он не очень симпатичный.

– А как можно? Ждать, пока ты сама этого захочешь и потом уже подкатывать?

Настя засмеялась:

– Да, так и нужно, это же очевидно.

«Конечно, очевидно, поэтому я тебя никуда и не звал», – подумал я и усмехнулся.

– Что ты смеешься?

– Ничего, просто вспомнил кое-что.

Риторика

Риторику преподавала женщина лет 45—50. Она была небольшого роста, достаточно полная, и носила короткую стрижку. Во время занятий у нее включался режим «лектор»: она начинала улыбаться, говорила четко, акцентированно. Ее деланная улыбка мне не нравилась и даже немного пугала. Звали ее Ксения Савафа.

– Сейчас вам нужно будет рассказать о себе: как вас зовут, откуда вы, приведите пару фактов из вашей биографии, и главное – почему вы решили учиться на историческом факультете. Не записывайте текст. Импровизируйте. А кто-нибудь один будет записывать, сколько слов-паразитов вы использовали в своей речи, – объявила Савафа.

– Я запишу, – вызвался я. Так как я уже начинал клевать носом, решил, что это задание хоть как-то меня взбодрит.

– Хорошо. Начнет Таня Долованова.

– Я? Ну, то есть, хорошо, – сказала Долованова.

Я стал записывать.

– Эээ... Меня зовут Таня Долованова. Я училась в школе. То есть, в общеобразовательной школе, эээ... в Москве. Я хотела поступить на исторический факультет, то есть поступила, потому, что я люблю историю, и вот, я поступила. У меня есть сестра, родная, то есть, мы близнецы. Она тоже учится на нашем факультете, только в другой группе. Я

люблю музыку, всю музыку: и классическую, но больше рок, что-нибудь такое, вот. Ну, вот, вроде все.

«БУМ! Вот это „успех“», – подумал я...

Половину занятий по риторике я пропустил. На зачете нужно было выбрать любой тезис, и, используя 2—3 аргумента, подтвердить его. Савафа включала дурочку на каждый аргумент, который я приводил, и со своей натянутой улыбочкой отвечала:

– Да, по-вашему, это действительно так? Я не согласна! Аргументы слабые, вы меня не убедили.

Алена

На паре по французскому языку мое внимание привлекла одна девушка: высокая, симпатичное лицо, длинные каштановые волосы вились почти до самого пояса. Зайдя на ее страницу в контакте, я увидел там сплошные аниме и звездные войны. Подкован я больше был в первом, поэтому я написал ей что-то про аниме, и мы начали общаться. Она мне показалась, в общем-то, закрытой, но при этом довольно искренней девушкой. Жила она в ста километрах от Юго-Западной, и до Москвы добиралась на автобусе, потом пересаживалась в метро и доезжала до универа.

Однажды после универа мы с Аленой решили прогуляться. В тот день мы посетили три локации: квартиру моих родителей, где я тогда еще жил, музей и музыкальную школу. Не помню, что мы делали дома у моих родителей, но то ли Алена замерзла, то ли еще по какой-то причине, но мой свитер в итоге оказался на ней. Мы стоим в коридоре.

– Какой уебищный свитер, – говорю я.

– Нет, вполне себе, – отвечает она, и глядит в зеркало.

Я ее немного приобнимаю сзади.

– Если хочешь, можешь его забрать.

– Не, спасибо, оставь.

Поход в музей не удался, он был закрыт на санитарный день. Гуляя по району, мы шли мимо музыкальной школы,

в которой я учился. Здание XIX века, с колоннами, барельефами, скульптурами, – все как полагается. Алене стало интересно, и я предложил ей зайти внутрь.

На входе охранник деловито заявил:

– Вы это куда идете?

– В музыкальную школу очевидно, – ответил ему я.

– Вы тут не учитесь, вам нельзя.

– Учимся.

– Да? И к кому же вы идете?

Я начал перечислять своих старых преподавателей, пока не назвал того, который оказался на месте.

– Он у себя в кабинете, прямо и...

Я не дослушал конца фразы, подумав, что не будет этот черт меня учить. Я тут восемь лет проучился, сам знаю, кто в каком кабинете.

Мы демонстративно прошли мимо охранника. На второй этаж вела красивая черная железная лестница с фигурными вырезами на ступеньках. В первые годы моего обучения, когда здесь проходили концерты, лестницу застилали красным ковром. Но потом так делать перестали, и девушки на каблуках часто попадали в эти дырки своими шпильками и периодически падали.

Поднявшись по лестнице, мы попали в большой зал. Это было место, где проводились концерты, как школьные, так и на коммерческой основе. Сейчас здесь шла репетиция, поэтому, немного осмотревшись, я предложил переместиться

в малый зал. Он был закрыт, но между малым и большим находилось помещение, в котором музыканты готовились к выходу.

В нем оказалось тихо и спокойно, шторы на окнах были задернуты. Я лежал у Алены на коленях, и мне ничего не хотелось. Я не знал, удобно ей или нет, может она хочет поскорее уйти отсюда, или наоборот. Обо всем этом я думал уже позже, когда пришел домой. А на тот момент я находился в состоянии полного умиротворения.

Мы разговаривали. Речь зашла о минуте. Не подумайте неправильно, я ее ни к чему не склонял. Даже не думал об этом. Алена мне сказала, что не знает, что это такое. Я, естественно, не поверил. Она пояснила, что не особо знает о том, что выходит за рамки школьной программы и ее хобби. На что я ответил, что с подружками-то она должна была это обсуждать. Она покачала головой. И я ей поверил. Хоть обстановка в моей школе меня научила тому, что тебя всегда наебут, а особенно – по пустяку, если в этом нет смысла. Я все равно ей поверил.

Она мне показалась какой-то чистой, что ли. Я до сих пор не знаю, так ли это было на самом деле или нет. Но в тот момент, мне казалось, что я могу ей верить. Через много лет, когда я рассказал об этом Эдику, он сказал, что охотно в это верит.

Когда мы шли обратно, ей кто-то звонил или писал, и она постоянно доставала телефон. То ли от Марины, то ли от Ма-

ши я знал, что какой-то кореш Ростислава подкатывает к Алене. Она сказала, что ей нужно скорее на автобус, что было логично.

– А может ли быть так, что тебя там будет ждать твой тайный поклонник, и вы вместе пойдут гулять?

– Конечно, нет, ты о чем? – Алена рассмеялась.

С одной стороны я был уверен, что это так. С другой – я посчитал, что нужно воспользоваться этим, чтобы проводить ее самому и убедиться, что тут нет никакого подвоха.

– Тогда я провожу тебя, – сказал я тоном, не допускавшим отказа.

Как мне казалось, всю дорогу в метро Алена была смущена или даже раздражена. Мы подошли к автобусу.

– Ну, все, вот мой автобус, спасибо, что проводил, хотя этого можно было и не делать.

– Так я тебя до дома собирался проводить.

– Что? Нет, не надо. Во сколько ты обратно приедешь тогда? Нет!

Я еще немного картинно поломался, но потом уступил. Честно говоря, я планировал проводить ее только до автобуса, иначе так просто от меня не отделалась бы.

Ефим

Обучение было достаточно скучным. Главным фактором было отсутствие мотивации, а мотивация – это главное, что должен пробудить учитель в голове своего подопечного. По большому счету, не так важно, какой ты педагог, важно, как ты умеешь мотивировать. Да, безусловно, если ты хороший педагог и при этом способен мотивировать своих учеников, то их результаты будут впечатляющими. Но, на мой взгляд, достаточно хотя бы первого.

Вспоминая начало обучения в университете, на ум сразу приходит Ефим Артеманов. За глаза мы называли его просто Фима. Это был человек среднего роста, ухоженный, с гладко выбритым лицом и зачесанными назад короткими волосами. Ходил он всегда в костюме, достаточно дорогом в сравнении с другими преподавателями. Он обладал вальяжным тембром голоса и немного картавил. Поговаривали, что он любил мальчиков. Сначала я воспринял это, как типичный треп первокурсников, но затем решил проверить, давно ли так считают, или это реально сплетни моих новых коллег. Как-то я спросил у дяди Менделя, правда ли это?

– Ну, свечку я не держал, но да, ходили такие слухи даже во время моего обучения.

К гомосексуалистам я относился нормально, другой вопрос: если это действительно так, зачем он это скрывал?

В нашей «свободной» стране свободные нравы, вряд ли его репутация пострадала бы, если он совершил каминг-аут.

Фима был своеобразным преподавом. Если в его расписании стояло три пары подряд, то он мог прийти к середине второй или даже к началу третьей. Первую, ознакомительную лекцию он провел так, будто мы попали в центр подготовки НАСА, а не в рядовой университет. Но на деле все оказалось куда хуже. Самым запоминающимся событием на его парах стала дискуссия поющего трансa с Лехой. Все, что мне было известно о Лехе, – это то, что он недостаточно хорошо знал историю, но этот факт выводил его из себя и он готовился к занятиям как сумасшедший. Тема дискуссии: «Петровские преобразования».

Леха был из консервативной семьи и на тот момент придерживался мнения, что все старое лучше нового. Его оппонент же – наоборот, верил в то, что все новое – хорошо, а все старое – плохо. Абсолютно безапелляционная позиция певца против чуть более, но все же слабо аргументированной позиции Лехи. Это был наш «потолок», на что мы, группа, были способны. Не потому что никто не мог подготовиться лучше, даже я бы это осилил, при том, что я тратил вечера скорее на перегонку через себя пива, чем на учебу. А потому, что у всех были свои заботы. Кто-то гнал пиво, кто-то не успевал из-за реальных дел, навязанных обстоятельствами, кто-то и хотел бы учиться, но ленился, а кто-то просто не мог, потому что был тупой, как самый старый пень. Самое

обидное, что половина из нас обучались за счет государства.

Нашим старостой был парень маленького роста, с короткими русыми волосами. Звали его Андрей Глазнов. Он встречался с девушкой, тоже учившейся на нашем факультете на курс или два старше. Их отношения завязались еще до того, как он сюда поступил, поэтому, он знал многих на факультете. Как оказалось, на каждой кафедре были свои группы «сектантов», которые устраивали «чаепития» и обсуждали свои «сектантские» темы.

Как-то я сидел в кабинете, выделенном под такие собрания. В кабинет шагнул мужичок в очках и дешевом костюме. Его пузо серьезно выпирало из-под пиджака. Под носом красовались маленькие, ухоженные и убогие усики. Он зашел, присел, и с ходу начал интересоваться, как первокурсникам учеба.

– Не очень, – честно ответил я.

– Почему же?

– Когда я приезжаю к первой паре, учитывая, что я люблю поспать, а преподаватель приходит к третьей, меня это сильно демотивирует.

– Ну, ничего, на следующих курсах у вас буду вести я, и такого точно не будет.

Когда он вел у нас занятия на втором курсе, я вспоминал цитату из книги моего любимого писателя: «Никогда не доверяйте человеку с холеными усиками».

Библиотека

На протяжении всего срока обучения я побывал в библиотеке один раз. Когда писал диплом. Я пришел, сделал копии с нужной мне литературы и ушел. Но этот поход в «хранилище знаний» мне запомнился надолго.

В компании Алены и ее подруги Любы я вышел на нужной нам станции метро. Мы приступили к поискам библиотеки. Сам я больше хотел погулять, поэтому не позаботился о том, чтобы узнать дорогу заранее. После 5—10 минут безуспешных поисков мне пришлось звонить своему школьному учителю истории. Он был на восемь лет меня старше, и закончил «национальное достояние» четыре года назад. Его звали Менахем Мендель, но я называл его просто – дядя Мендель.

– Дядя Мендель, здравствуйте, мы тут ищем историческую библиотеку, вышли из метро, дошли до аллеи.

– Как можно выйти из метро и не увидеть библиотеку? Вы из какого метро вышли? Не уверен, что будет толк от пребывания в ней, если вы даже дорогу найти не можете. И я, слава богу, не твой дядя, перестань меня уже так называть!!!

Рядом с нами, весьма кстати, оказалась пиццерия, которую не нужно было искать, и я предложил девушкам последовать совету дяди Менделя. Через 15 минут мы уже сидели внутри, и я попивал какое-то самое дешевое пиво, что у них было.

Из-за того, что на первом курсе я был постоянно пьян, я плохо помню дни в целом, но зато отчетливо помню детали, как будто все это было вчера.

Я позвал своего школьного друга Пашу. Он был греком с говорящей фамилией Македонский. Так же, как Александр в свое время завоевывал народы огнем и мечом, мой друг завоевывал женщин алкоголем и хуём.

Не помню, о чем мы болтали с девушками, но вроде как Люба порывалась уехать пораньше, хотя и жила в студенческом общежитии.

Македонский пришел не один, а привел с собой нашего одноклассника. Мы звали его Кость, так как он был очень худой, но совсем не жилистый, как обычно говорят про спортивных ребят. К тому времени я успел выпить еще пару кружек пива. Македонский с ходу заказал еще по две каждому.

Вскоре Люба ушла.

– Мне далеко ехать домой, думаю, уже пора идти, – сказала Алена.

– Да ладно, я тебя провожу, могу даже до автобуса, – предложил я.

– А где ты живешь? – вмешался Македонский.

– В Фряново.

– Это где? – снова спросил он.

– Это далеко. Мне нужно вставать в 3:30, чтобы успевать к первой паре.

Подбуханный Паша немного прихерел.

– Во сколько? В полчетвертого?! – воскликнул он.

Весь оставшийся вечер он повторял:

– Полчетвертого, ну ничего себе...

Впоследствии, каждый раз, когда я упоминал Македонского, Алена и Люба называли его «полчетвертого».

Где-то, через час, после того, как Алена ушла, я вспомнил, что обещал ее проводить. На самом деле я хотел проводить ее до дома, и мне даже казалось, что она это оценит. Деньги у меня с собой были, и я думал, что даже если не успею на обратный автобус, то поеду домой на такси.

К тому времени у меня уже успело сформироваться мнение, что в главное в людях – честность. Я считал, что человек должен не только быть честным перед окружающими, но и, что намного сложнее, перед самим собой. И, естественно, держать свое слово. Когда я вспомнил о своем обещании, понял, что зря выпивал сегодня, так бы не забыл. Я чувствовал угрызения совести.

Я начал звонить Алене, но трубку она не брала. Честно говоря, я немного переживал, ведь если бы с ней что-то случилось – в этом была бы моя вина. Позднее, в подобных ситуациях, так же, как и в этот вечер, я чувствовал угрызения совести. Если честно, я всегда старался держать слово или хотя бы делать все, что от меня зависит, чтобы его сдержать. Хотя это такие пустяки, на которые можно было и не обращать внимания.

Маша

Мы уже учились пару месяцев. В нашей группе Алена общалась с Мариной, с которой в комплекте шел ее молодой человек – Ростислав, он успел стать таковым за пару месяцев совместного обучения, и с сестрой Марины Машей. Полина и Настя к этому времени плотно тусовались с певцом, косящим под транса, мне он не особо нравился, поэтому я предпочитал общество Алены и ее знакомых. Да и сама Алена, как человек была лучше и приятнее, чем мои первые знакомые.

Речь идет о том времени, когда я приезжал в университет исключительно для того, чтобы выспаться на лекциях, а потом пойти выпивать с Пашей.

Маша показалась мне довольно симпатичной, тогда я рассуждал так: если девушка приятна в общении, то все остальное не так уж и важно, но если продолжать, то, конечно, имеет значение внешность, и особенно – лицо. Лицо у Маши было приятное. Сама она была небольшого роста, блондинка, с волосами до плеч. Училась Маша в нашем же университете, на факультете славянской и западной филологии.

Я собирался пойти на концерт Грин дей со своим школьным товарищем. Они приезжали в Москву в конце учебного года со своим новым альбомом. И, как оказалось, Маша тоже планировала попасть на этот концерт со своей одноклассницей.

цей. Как-то раз я встретил Машу в столовой.

– Привет, я купил билеты на Грин дей, а вы уже взяли свои?

– Привет, круто, мы как раз сегодня собираемся покупать, будет здорово, если пойдём все вместе.

БЖД

В школе у меня, как и у многих, был такой предмет. Только назывался он ОБЖ. Видимо, это традиция нашей системы образования. В названии предмета фигурируют слова «безопасность» и «жизнь»? Устроим клоунату вместо преподавания! В школе этот предмет у нас вел агрессивный военный, приносящий на уроки газеты. Смысл занятий заключался в том, что он читал заголовки и хуесосил всех подряд, о ком там было написано.

В универе все было мягче, но не менее бессмысленно. БЖД преподавала бабушка за семьдесят. Ее почтенный возраст не мешал ей обильно пользоваться косметикой. Звали ее Анастасия Фамена.

– Девушки, всегда носите с собой презерватив, – громко объявила Фамена на одной из лекций.

Половина аудитории заулыбалась.

– Зачем? А я сейчас объясню. Если вас захотят изнасиловать, никогда не сопротивляйтесь. А то насильник вас избьет, а потом все равно изнасилует. Поэтому лучше иметь с собой презерватив. Попросите его надеть презерватив, перед тем как он... начнет. И расслабьтесь.

«Вот это я понимаю, – безопасность жизнедеятельности», – подумал я.

Выбор

К первому курсу у меня сформировалась определенная позиция по отношению к девушкам. Для себя я четко пояснил: если девушка сама проявит инициативу, то тогда можно открыться ей.

С одной стороны, это правильно. С другой – в тот период эта была позиция «обкакавшегося, перепуганного, маленького мальчика». Я боялся открываться людям, потому что думал, что они непременно отвергнут или просто обсмеют меня. Плюс явно мешал юношеский максимализм.

Алена, я и еще какие-то ребята стоим в книжно-подарочном магазине. Наше внимание обращено на обложки для паспорта: на одной – старый, усатый алкоголик-художник, на другой – фантастический персонаж, калека, убийца юнлингов. Первая понравилась бы Маше, вторая – Алене. Ребята покупают то, что присмотрели, и мы уходим.

На следующий день я возвращаюсь в этот магазин и покупаю две обложки. То, что я общаюсь с двумя девушками одновременно, мне, безусловно, нравится. Но я боюсь, что если подарю одной из них подарок, пусть даже и маленький, то это все испортит.

Как-то раз я ехал в метро, намереваясь «культурно» провести время со своими старыми знакомыми из школы. Уже будучи в изрядном подпитии, я разговаривал с Сергеем, до-

вольно самоуверенным и самолюбивым парнем. Учился Серега в МИТРО. Несколько лет спустя, когда все в той же компании школьных знакомых он рассказывал про одного самолюбивого актера, ему намекнули, что он вел себя точно так же. Серега был искренне возмущен:

– Почему же мне никто об этом не говорил, я бы исправлялся!

Мы стояли и держались за поручни.

– А у тебя как дела, никого себе не нашел? – спросил Серега.

– Есть две девушки, с которыми я хорошо общаюсь, и вроде бы они обе мне симпатичны. Возможно, я им тоже нравлюсь.

– И что ты думаешь?

– А что я должен думать? Будем общаться с обеими: с одной интереснее общаться, а другая проявляет больше инициативы по отношению ко мне. Вот недавно подарил им почти одинаковые подарки, чтобы никто не подумал, что я подкатываю.

– Ну, дружище, так не пойдет, ты уж определись, иначе ни к чему хорошему это не приведет.

Тогда мы неправильно друг друга поняли. Он подумал, что я собираюсь подкатить шары сразу к обеим девушкам. Наверное, он сам не лишен подобных мыслей, потому что прекрасно осознает, что это плохо, и пытается контролировать себя. А я подумал, что он просто советует мне попро-

бовать построить отношения с одной из них, иначе в итоге потеряю обеих.

Тогда я уже понимал, что настоящих друзей бывает мало. То мероприятие, куда я ехал, было встречей знакомых, хотя раньше я их всех считал своими друзьями.

Какое-то время я думал над этим. Любые отношения я воспринимал очень серьезно. Я не понимал, когда люди встречаются просто ради статуса или секса. Если тебе нужен секс – найди человека, у которого такие же потребности, и все. Зачем надевать маски? Если тебе нужен статус, и при этом тебе завтра не нужно будет придумывать, что ты заболел, так как на первом уроке контрольная по алгебре, то это повод задуматься, а стоит ли вообще начинать отношения.

В итоге я решил попробовать с Машей. В своих наивных мечтах я представлял, что смогу дружить с Аленой, так как она представлялась мне человеком, не менее важным, чем Македонский. Хотя знал я ее меньше полугода. А отношения буду строить с Машей. Тем более Маша, как мне казалось, начала проявлять инициативу, а значит, у меня появился шанс.

Прогуливаясь с Аленой, мы зашли ко мне на вторую квартиру. Там никто не проживал, и она пустовала.

– Если хочешь, можешь жить тут, чтобы так рано не вставать.

– Нет, что ты, я не могу, нужно же платить что-то за проживание.

– Зачем? Тут все равно никто не живет. Или можешь иногда оставаться, когда домой поздно ехать, ключи я тебе дам.

– Нет, спасибо большое, не нужно, мне неудобно.

Мы сели на кухне за стол. Я стал рассказывать Алене о своих чувствах к Маше и параллельно пытался понять ее реакцию, но что я мог понять при полном отсутствии опыта?

– А я тебе нравлюсь? А то будет неудобно, что я тебе все это рассказываю, а тебе неприятно слышать, – сказал я Алене.

– Нет, все в порядке, не переживай.

Я продолжил ей рассказывать, что если я начну проявлять свои чувства, то Маша меня отвергнет, что я потом просто нахуюрюсь, чтобы все забыть и все, и прочую дичь. Алена меня успокаивала, говорила, что все будет у вас круто. Все это время я крутил в руках железную банку из-под кофе. Я думал о том, правильный ли я делаю выбор. Действительно ли Алена ко мне равнодушна? К концу разговора, оказалось, что я смял банку, и от ее прежнего вида почти ничего не осталось. Никогда не умел контролировать свои руки, когда серьезно о чем-то говорил.

ВИДЫ

Я немного опоздал на первую пару.

– Извините за опоздание, разрешите войти?

– Проходите, конечно, – сказала мне старушка лет восьмидесяти, сидевшая на месте преподавателя.

Я прошел и сел на свободное место, рядом с Салливаном. Старушка рассказывала что-то про геральдику. Ее тихий монотонный голос меня усыплял. Я положил на парту руку и прилег на нее.

– Эй, Димон, просыпайся, – прошептал Салливан, толкая меня в плечо.

Я поднял голову с парты и выпрямился. На руке остался красный след от щеки, надо полагать, такой был и на лице. Рука затекла, и я не мог ею даже пошевелить.

– А, ну раз все нормально, я продолжу, – сказала бабушка.

Я наклонился к Салливану и спросил у него:

– Что она сказала про меня?

– Спросила, не мешаем ли мы тебе.

– Ничего себе у нее зрение. Не видно же, что я с закрытыми глазами.

– Ты захрапел, причем достаточно громко.

Первый раз мне было стыдно перед преподавателем.

Начало

Мы с Машей сидел в антикафе. Позже к нам должна была присоединиться Алена. Маша и Алена договорились об этом заранее. Алена немного задерживалась, но когда она в итоге позвонила, Маша решила не отвечать на звонок.

– Почему ты не берешь трубку?

– Ну, не знаю, она должна была прийти раньше, а сейчас уже как-то не в тему. Нет, ну если ты хочешь, давай скажем, где мы.

– Делай, как считаешь нужным.

На самом деле, я не знал, как будет лучше. С одной стороны, мы сидели на диване, и иногда Маша брала меня за руку, проявляя тем самым внимание. С другой стороны, если они договаривались, то неважно, к месту сейчас приходиться или нет.

Алене нужно отдать должное, она перестала ходить в нашей общей компании после того, как я рассказал ей, что симпатизирую Маше.

В том же антикафе мы с Машей были на, скажем так, двойном свидании. Я обещал взять собой скрипку, хотя не играл много лет. Вместе с нами пошли Марина и Ростислав. Наше общение с ними закончилось на приветствии. Они все время были в другом зале, а я попытался что-то сыграть по просьбе Маши, хотя знал, что это будет ужасно. Мы

ушли в отдельную комнату, где я извлекал из скрипки звуки, напоминавшие сцену умирающего лебедя. К нам в комнату шагнул работник кафе.

– Вы учитесь тут играть?

– Нет, мы уже умеем, просто многое забыли, – ответил ему я.

– Тогда можете, пожалуйста, не играть, а то это звучит не очень приятно.

– Нет проблем, приятель.

В конце декабря, я провожал Машу до электрички, она, как и Алена, жила в области. Мы обнимались на прощание. Я уже собрался было уходить, как вдруг неожиданно Маша поцеловала меня в губы. После чего сказала:

– Прости, у меня давно не было практики поцелуев.

– Да ничего страшного, – заулыбался я.

Маша развернулась и ушла. Я проводил ее взглядом, после чего пошел по направлению к метро. Стоя на эскалаторе, я подумал: неужели все получилось, этого не может быть.

Николя

Николя занимал должность заместителя декана. Заседал он в деканате дневного отделения. Это был человек среднего роста, который одевался, как Стив Джобс. Когда он здоровался со студентами в коридоре, он говорил «Добрый день», проглатывая окончания последнего слова. Иногда он проглатывал первые буквы в словах.

Весь первый семестр я филонил. Кончилось тем, что позвонили домой из деканата. Рассказали, что у меня собралась куча долгов. Мать сильно перепугалась.

– Ой-ой, отчислят же, – причитала она.

– Да нормально все будет, пока деньги за обучение занесишь и хотя бы раз в неделю появляешься, никто тебя трогать не будет, – отвечал я.

Но, несмотря на мои, как мне казалось железобетонные аргументы, мать решила заглянуть в университет. Уже на следующий день я столкнулся в ней в коридоре.

– Привет, что тут делаешь? – спросил я.

– Пришла поговорить о твоей учебе, где ваш руководитель деканата? – спросила мать.

В этот момент как раз по коридору шел Николя.

– Вот он идет, – показав пальцем в сторону Николя, сказал я.

Мать быстро развернулась и догнала его.

– Здравствуйте, я мама Димы Ананидзе, с первого курса.

– Добрый день, – промычал Николая.

– Вчера нам домой звонили из деканата и сказали, что у Димы проблемы с долгами. Я хочу уточнить, какие у него долги и сколько их. И не собираются ли его отчислить.

– Вообще-то собираются, я вчера заходил к ним на пару и предоставлял списки ребят, которые стоят на отчисление, все очень серьезно. А какие у него долги – он сам знает. Ничем не могу помочь. Извините, мне нужно идти, работа... – сказал Николая и быстрым шагом поплыл по направлению к кабинету декана.

Через пару дней дома у меня состоялась мини-беседа с матерью.

– Как твои долги, ты их начал закрывать?

– Нет.

– Почему, тебя же отчислят? – воскликнула мать.

– Пока не должны, по крайней мере, никакой информации об этом не поступало, – спокойно ответил я.

– Как не поступало? Ваш замдекана сказал, что заходил к вам и приносил списки ребят на отчисление! – начала уже нервно покрикивать мать.

– Он не заходил. Может списки и есть. Может меня и отчислят. Но к нам он не заходил, первый раз про это слышу.

– Как не заходил? Когда я была в университете, он мне лично сказал, что вчера заходил!

– В те дни я не пропускал универ и присутствовал на каж-

дой паре. И точно знал, что к нам он не заходил.

– Не может быть, он сказал мне, что заходил, есть список. Тебя же отчислят! – продолжала истерить мать.

Это продолжалось минут десять. И стало походить на какую-то трагикомедию.

– Нет, ну ты скажи, сам ЗАМДЕКАНА объявил, что тебя отчислят, что он приносил списки на отчисление! А ты утверждаешь, что этого не было. Но тогда ответь мне на вопрос: почему он мне сказал, что заходил к вам, и приносил списки?

– Да я не знаю! – не выдержав, повысил я голос. – Возможно потому, что он пиздабол. Высшее образование это не обязательная ступень, как, например, школа. Да и отчисление – не трагедия. Или, возможно, потому, что никто не приходит в универ узнавать, как дела у их детей. И он не горел желанием с тобой разговаривать, ответил тебе первое, что на ум пришло, и ушел к декану пить чай.

– Не может быть... Так не бывает... он же замдекана. Когда мы учились, такого не было, если он сказал, значит так и есть, – сказала мать, убеждая себя в том, что она права.

– Ты училась там почти сорок лет назад. Это могло быть и в твое время. Но, в любом случае, с тех пор изменилось многое, и не только в стране, но и в мире. А про университет я вообще молчу, – сказал я, надевая кроссовки и выходя из квартиры.

Латынь

На латыни я сидел вместе с Машей. Она уже изучала этот язык на первом курсе и подсказывала мне, когда Зина задавала вопросы. Зинаида Костоломова была преподавателем, как говорят, старой закалки. Ей было за семьдесят.

Я ни черта не знал по самому предмету, но зато у меня был новенький учебник. Правда, купили мне его Люба и Алена...

– Ну что, вы готовы? – ехидно спросила Зина.

– Да, – уверенно ответил я.

– Тогда читайте с начала абзаца.

– *Sed iustitiae primum* – уже не так уверенно начал я.

Когда я прочитал весь абзац и уже думал расслабиться, Зина сказала:

– Хорошо, а теперь переводите.

Маша прикрыла рот рукой и начала нашептывать перевод. Поэтому я с переменным успехом справился и со вторым заданием. Когда я дошел до середины текста, Зина меня прервала:

– А дальше перевод продолжит Миша.

Миша сидел за задней партой в соседнем с нами ряду. Это был парень, ростом около 175 сантиметров, худой, как щепка. Волосы на его макушке были закручены, как будто он использовал бигуди для детских кукол. На лице обильно росла щетина. Одет он был в мешковатую одежду, которая была

велика ему на 3—4 размера.

Подвинув очки с кончика носа ближе к глазам, Миша начал переводить:

– Эм, как тут... как же, а вот... или это не то слово... сейчас, я запутался немного.

– Вы готовы Михаил? – спросила его Зина, подняв брови и глядя на него исподлобья.

– Да, готов. То есть не готов. Не очень хорошо готов. Я готов, но можно ответить... ну, как бы, не сейчас.

– Вы хотите ответить на следующей паре, я вас правильно понимаю?

– Да. Вернее, нет. Я готов, но так, готов, как бы сказать, не очень. Отвечать я не готов, но я готов к паре.

– Михаил, так не бывает, вы либо готовы и отвечаете сейчас, либо не готовы, и отвечаете в следующий раз.

– Я, ну да, в следующий раз. Но я готов...

– Я поняла, достаточно, – не дала договорить ему Зина.

Москва-Купавна-Москва

Вечерами я, как правило, провожал Машу до дома. Иногда мы оказывались в одной электричке с Мариной и Ростиславом. После таких проводов мы вместе с ним возвращались в Москву. Однажды, когда мы курили в тамбуре, он решил пооткровенничать:

– Я вот думаю. Нужно же в скором времени с Мариной съезжаться. Квартира у меня есть. Потом она и детей хочет, но еще рано. Нужно сначала пожениться.

– У меня тоже квартира есть, но для начала нужно бы туда самому переехать, а потом уже планы строить, – отшутился я.

Зимой я ходил в черном пальто с капюшоном и карманами на уровне груди. Когда я ехал домой один, я садился к окну и включал музыку в наушниках. Надевал капюшон, руки засовывал в нагрудные карманы и через пару минут вырубался. На конечной остановке меня обязательно кто-нибудь будил: «Приехали, Курский».

Как-то раз я проводил Машу, зашел в вагон и уже собирался устроиться около окна, как вдруг мне навстречу из противоположного тамбура вышел Македонский, держа две бутылки пива за горлышко в одной руке. Паша встречался с одноклассницей нашей одноклассницы Вики. Она жила на соседней ж/д станции с Машей. Я увидел его, он ме-

ня. Мы оба рассмеялись. Я незамедлительно пожал ему руку, а из другой взял одну бутылку пива.

Не имеют права

На один день были назначены два зачета: по древнему миру и латыни. Оба предмета у нас вела Зина. Зачет по древнему миру я получил автоматом. О чем рассказал дяде Менделю при встрече.

– Надо же, видимо у Зины проснулся материнский, или точнее будет сказать, бабушкинский инстинкт, – пошутил Мендель. – Нам она устраивала разносы по полной программе.

В коридоре я встретил Алену.

– Ну что, лентяй, готов?

– Нет, но думаю, она ко мне нормально относится, так что прокатит.

– Сколько раз ты был на латыни?

– Раза два... может три, кстати, она ничего не сказала, когда после перевода текста я вместе с Машей ушел?

– Нет, Зина только спросила: «А откуда эта девушка?». Ей ответили, что она с 7-го этажа. На что Зина как обычно рассмехалась «Хо-хо-хо», и сказала, что парни с истфака часто общаются с девушками оттуда.

Зачет проходил так: Зина произносила фразу, а студент должен был перевести ее на латынь. Список фраз был известен заранее. Новость о том, что Зина нормально восприняла мой уход по-английски, придала мне бодрости духа. Но,

чтобы воспользоваться положением «внука», я решил подождать, пока все сдадут, и зайти в аудиторию последним.

Когда все студенты ломанулись в кабинет, я остался в коридоре и пытался запомнить фразы, которые записал на листке. Каждые 3—4 минуты из аудитории выходил один человек. Спустя полчаса вышла и Зина.

– О, вы тоже пришли, вот так радость, – с сарказмом сказала она.

– Да, а как же не прийти, вот учу.

– Хо-хо-хо. Ну, учите, учите.

Спустя еще минут 30 в кабинете наступила тишина, и студенты перестали выходить. «Ну, пора», – подумал я и зашел в кабинет.

В пустом кабинете за преподавательским столом сидела усталая Зина. В центре кабинета что-то мямлил себе под нос Михан.

– Миша, две фразы... две... а нужно двадцать.

– Ну да, я учил, но там не выучилось. Точнее я выучил, но вот они так забылись, что не вспомню. Но сейчас я их вспомню.

– Михаил, вы понимаете, что вам будет очень тяжело учиться на дневном отделении?

– Нет, мне хорошо, а как мне еще учиться?

– На вечернем, там... скажем так, требования помягче, – Зина вздохнула и пробурчала под нос: – Хотя куда уж мягче. Потом она перевела взгляд на меня.

– Дмитрий, вы готовы?

– Нет конечно, но отвечать буду, – с улыбкой сказал я.

Зина закатила глаза и начала диктовать фразы. Каким-то чудом я перевел двенадцать из пятнадцати названных ею фраз.

– Ладно, достаточно. Давайте зачетку.

Я протянул ей зачетку и после того, как Зина поставила подпись, решил идти бездельничать дальше.

– Подождите, закроете кабинет и отнесете ключ в деканат. А пока, Михаил наконец ответит фразы, которые он учил, знает, но не может произнести.

– Да, я готов уже сейчас, – с лицом знатока произнес Миша.

Но, он снова смог выдавить из себя только две фразы. Зина явно устала.

– Все, хватит, Миша, пообещайте мне, что если я вам поставлю зачет, то вы переведетесь на заочку.

– Что? Зачем? Я не могу!

– Михаил, послушайте, вам будет там легче. У вас с армией нет проблем?

– Хи. Нет, я же это, ну у меня здоровье там, проблемы, после смога, когда леса горели. Ну, вы помните да, когда смог был в городе. Это летом был...

– Достаточно Миша, я вам ставлю, а вы переводитесь, хорошо?

– Эм... ну нет, то есть да, ставьте, но я не могу переве-

стись, то есть переведусь, да.

Зина расписалась у Михана в зачетке, отдала мне ключ и поспешила к выходу.

Я же ждал, пока Миша соберет свои шмотки. Это длилось достаточно долго. В процессе сборов он прерывался, чтобы покрутить свои волосы на макушке и заткнуть себе уши.

– Жаль, Михан, что не будем мы теперь с тобой вместе учиться? – подшутил я, закрывая кабинет.

– Нет, я переводиться не могу. Она не имеет права. У меня мама в отделе кадров работает. И бабушка есть.

– А-а-а.., ну тогда понятно, – протянул я, не особо понимая, что он несет.

Физкультура

Зачет по физкультуре Алина Михеевна ставила за посещение занятий. Нужно было отходить двадцать пар. Если пропускал занятие со своей группой, разрешалось прийти и позаниматься с любой другой группой и курсом.

На первом занятии Алина выстроила всех в линию и начала знакомство. Называла фамилии из списка и отрицательно покачивала головой, если студент отсутствовал.

– Ананидзе, – объявила она.

– Я.

– Ты?? – удивилась Алина.

– Эм... да, я.

«Что ее так удивило», – подумал я.

– Ты хоть знаешь, какая у тебя фамилия?

– В каком смысле?

– Кто ее носил?

– Если вы имеете в виду альпиниста, то да, знаю.

– Он твой родственник?

– Дальний.

– Хм, а по тебе так и не скажешь... Ладно, разберемся.

Женя на первом курсе был здоровым, жирным парнем. Алина прочила его своими упражнениями: кошка, приседания на одной ноге и другие. У Жеки ничего из этого не получалось, отчего он начинал нервничать. А Алина начинала

его отчитывать, как нашкодившего котенка, после чего отправляла выполнять упражнение заново. После очередного такого возвращения на исходные позиции, Женя покраснел и взорвался. Он начал орать на Алину: «Заебала ты со своими упражнениями! Ну не получается у меня, ну что ты от меня хочешь? Иди ты нахуй со своими упражнениями!». После чего, Жека схватил лежавшие рядом прыгалки вместе с еще каким-то инвентарем и швырнул их об пол:

– Заебала! – сказал Женя, уходя из зала.

На межвузовские соревнования не хватало одного человека в эстафету. После занятия Алина оставила Эдика и Леху.

– Так, сейчас идите в другой конец зала и по моему сигналу бегите в мою сторону параллельно друг другу, кто придет первый, поедет на соревнования и получит зачет автоматом.

– Давайте Эдем поедет, я не особо хорошо бегаю, – отмазывался Леха, который явно не хотел ехать на соревнования, даже при всех благах, обещанных Алиной.

– Ты футболом занимался, должен быстро бегать, не рассказывай мне тут, и не филонь, – ответила ему Алина.

– Я вратарем был, – ответил ей Леха.

– Так, все, идите на исходную, – отрезала Алина.

Эдик прибежал первым. Почти вся наша группа тоже поехала на соревнования, так как Алина обещала приравнять поездку в качестве группы поддержки к посещению трех занятий.

Соревнования проходили на стадионе в Сокольниках.

– Обидно, я же тут легкой атлетикой занимался в школе, а она меня даже не позвала, – жаловался мне Салливан, когда мы расселись на трибунах.

В команде было 4 человека. Эдем бежал последним. Ребята с истфака сильно отставали. Когда очередь дошла до Эда, парень, бежавший первым в команде соперников, уже ушел на половину стадиона вперед. Эд не смог его догнать.

– Мы проиграли из-за тебя. Я не буду тебе за это зачет ставить, – сказала Алина Эдему.

Переезд

Только что началось лето. Солнце, хорошая погода. Я сидел за компьютером, играл и попивал пиво. Мимо моей комнаты прошла бабушка, которой уже было под 90 лет.

– Снова сидишь в бирюльки играешь. Лучше бы посуду помыл, отца с матерью нет, совсем распустился.

«Сколько мне, по-твоему, лет, чтобы я „распускался“», – подумал я, но сделал скидку на ее возраст. Минут через десять она прошла обратно.

– Все сидит, а, вы посмотрите на него, лучше бы делом занялся.

Я не обращал внимания, единственное, что меня напрягло, так это то, что приходилось убирать бутылку пива на пол, когда она проходила мимо. Спустя какое-то время, в очередной свой проход, бабушка снова завела старую песню:

– Да сколько можно, сидишь и бездельничаешь. А это что на столе стоит за бутылка?

– Это пиво.

– Кто тебе разрешил?

– Баб мне есть уже восемнадцать, почему я не могу выпить пару бутылок пива?

– Потому что нужно разрешения у матери спрашивать, совсем ума лишился.

В тот момент я подумал: «Как же меня это заедало».

На бабулю нельзя обижаться, но то же самое было бы, если бы на ее месте были отец или мать, только под другим соусом, отец бы стал орать, так как он неуравновешенный деревенщина, а мать начала бы читать лекции на тему, что такое хорошо, а что такое плохо. При всем при этом, я спал в комнате с бабушкой, в старом кресле-кровати, от которого воняло поролоном. А вторая квартира стояла пустая, в полутора километрах от первой. Если бы ее хотя бы сдавали и с этих денег оплачивали мне обучение или просто давали мне часть на расходы, я бы понял. Я не раз предлагал сдать ее квартирантам, но если мать чего-то не хотела делать, убедить ее было невозможно. В конце школы я хотел завести собаку, но мне сказали, что это совершенно ни к чему. Когда-то давно у матери были и кошка, и собака, которых она подобрала, когда те только родились. Эта несправедливость была по моему самолюбию.

Тогда я рассуждал так: меня отправили в универ, платят за меня, а я сижу у них на шее. Если вы позиционируете себя, как мои спонсоры – хорошо, но тут я точно оставаться не буду. Если тогда вы откажитесь давать мне деньги и оплачивать универ, найду работу. Если не смогу совмещать – уйду из универа. А потом либо армия, либо откос по здоровью, – ничего страшного в этом я не видел.

В итоге я решил купить щенка и переехать на другую квартиру. Начав обзванивать людей по объявлениям, касающимся продажи щенков, я остановился на двух вариантах.

В первом случае мне объяснили, что нужно подождать пару недель, пока щенки окрепнут. После чего нужно будет приехать к ним за город и выбрать понравившегося щенка. Во втором – они жили рядом со станцией метро, и приехать можно было в любой день. Щенок у них был один. Ситуация походила на банальный развод, но тогда я не думал об этом.

С собой я позвал своего школьного товарища Маркуса. Мы приехали на место, и я позвонил продавцу:

– Мы на месте, какой подъезд?

– Сейчас я подойду, – сказал он, и положил трубку.

Через пять минут приехала серая Киа Рио, и из нее вышел мужик.

«А щенка ты за пазухой спрятал?» – подумал я.

Мужик открыл заднюю дверь. На коврик, почти под водительским сидением лежал малюсенький щенок, чуть больше ладони. Он был еще слепой и еле ходил.

После покупки щенка я взял рюкзак с уже собранными вещами и переехал на другую квартиру.

Багет

Со щенком сразу начались проблемы. Покупал я его как хаски, но на деле он оказался непонятного происхождения лайкой. Он постоянно поносил, видимо у него были глисты и какое-нибудь отравление в придачу. Щенок еле ходил, иногда не мог даже сам встать на лапы. Ночью он скулил, я просыпался и поднимал его, массировал ему живот, чтобы он мог сходить в туалет, потом вытирал его, убирал дерьмо и снова ложился спать.

Через пару дней я немного устал. После того, как я его вымыл, его вырвало, хотя он почти ничего не ел. Он пищал и издавал еще какие-то непонятные звуки.

«Да, представляю, как тебе хреново», – подумал я. Рядом стояло ведро литров на десять. «Может набрать в него воды и утопить тебя там. Ты, скорее всего, не выживешь». Но спустя 2—3 минуты размышлений, я понял, что это не вариант. Это же первая проблема, с которой я столкнулся после своего переезда, и что, я решу ее именно так? Просто опущу руки? Ради кого я это сделаю? Чтобы избавить его от страданий или чтобы самому расслабиться и дальше пить и веселиться? Жаль, что в дальнейшем я не часто задавал себе вопросы подобного рода.

В общем, я решил довести дело до конца и сделать все, чтобы малыш выжил. Маша приезжала ко мне, и мы вместе

возили его в ветеринарную клинику. Там ему делали капельницы, уколы и давали всякие рекомендации.

Куда бы мы его ни таскали, в своей переноске он лежал неподвижно, как французский багет. Так я его и назвал – Багет.

На его лечение ушло несколько месяцев. Несколько месяцев капельниц, уколов, поездок в клинику. И, наконец, щенок пошел на поправку.

Часть вторая

Студенты

Примерно восьмидесяти процентам преподавателей и студентов было абсолютно наплевать на происходящее в стенах университета. После первой сессии у меня остались долги. Да что уж говорить, долги тянулись до последнего курса. Наша подгруппа французского языка состояла из студентов филфака и трех историков. Помимо меня и Алены в эту подгруппу был записан транс. После первого курса он ушел из университета. Спустя несколько лет, после окончания учебы, я увидел объявление о том, что транс проводит бесплатные лекции по истории. Естественно, я предложил Эдику сходить ради интереса. Уже через 15 минут нам стало ясно, что транс читает лекции еще хуже, чем он делал доклады и дискутировал с Лехой в университете.

Студенческая группа – единое целое, команда, в которой каждый стоять горой за своего товарища. Однажды несколько наших одноклассников собралась поиграть в футбол. В команде, был я, Эдик, Ванька и Женя. В ходе игры возник конфликт между Эдиком и азером из противоположной команды. Эдик – парень среднего роста, крепкого телосложения. Даг был на голову выше меня, при моих-то 183 санти-

метрах, и не особо хилый. Обычно, ребята с югов, как правило, ходят группами, и этот случай не был исключением. Друзья азера сидели на лавке у стены и периодически посмеивались.

– Ты что бля, аккуратнее играй! – закричал азер на Эдика.

– Я играю нормально, ты сам выставляешь ноги.

– Я сейчас тебе выставлю, сука!

Азер подошел вплотную к Эдику и толкнул его, Эдик был на две головы ниже его, но не сдвинулся с места, а просто смотрел ему в глаза.

«Сейчас начнется, а как хорошо играли, Ванька даже гол умудрился забить», – подумал я.

– Да ладно, успокойся, – сказал один из азеров своему товарищу. А другой встал и пошел к Эдику.

Я кинул взгляд на скамейку, больше никто вставать не собирался, тогда я обернулся, чтобы тоже подойти к Эдику. Но за эти секунды, что я стоял спиной к своим воротам, все мои товарищи по команде успели максимально отдалиться от эпицентра конфликта. Жека вообще сел на лавку, подальше от азеров.

Ну, с тобой-то все было ясно еще в первую нашу встречу, когда ты испугался конфликтовать со мной, но неужели все остальные такие же, обделались еще до того, как что-либо успело произойти.

Подошедший азер отвел своего товарища, а я подошел к Эдику и сказал:

– Я, конечно, готов получить по ебальнику, но избегать подобных вещей мне нравится больше.

– Да нормально все было бы, не переживай, – ответил мне Эдик.

После игры оказалось, что кто-то обчистил раздевалку. У одного парня с нашего потока украли куртку, у кого-то – кошелек, а у Жеки украли его плеер.

– Сколько там было порнухи, ай-ай-ай, что же мне теперь делать? – отшучивался Жека.

Он никогда не расставался с тремя вещами: огромными наушниками мониторного типа, плеером и боксом с едой.

Несговорчивый Леонард

Маша должна была уезжать в Польшу, как студентка по обмену. Её мать сказала ей, что эта поездка будет проверкой наших отношений. Сейчас я понимаю, что она имела в виду: «Если он тебя не кинет, то все у вас будет хорошо. А так хер его знает».

Досуг я всегда ставил на первое место. Хотя это и противоречит самому понятию «досуг». После отъезда Маши у меня осталась только синька с Македонским. Поэтому я решил все-таки заняться закрытием своих долгов.

Уже к концу первого курса Алена перевелась на английский. На французском никого из моей группы не осталось, поэтому я решил написать девушке с филфака, которая ходила на иняз вместе с нами.

– Привет, слууушай, а что там с французским?

– Привет. Как ты вовремя, он уже закончился.

– И как давно?

– В прошлом году. Но и тогда занятия были редкие, раз в месяц примерно.

– А с истфака никто не ходил?

– На первые несколько занятий ходил транс. Но потом, слава богу, он бросил эту затею. И все. А что вы так игнорируете его, зачетов у вас разве нет?

– Есть, по идее. Я еще ни одну сессию не закрыл. Я боюсь

к ней подходить.

– Ха-ха-ха. Ну, ты даешь... А у нас нет. Все забили на это. Но зато в этом году будет экзамен.

Я поднялся на седьмой этаж. Зашел на кафедру. Пожилая тетенька сказала мне, что преподаватель, которого я ищу, в этом семестре не будет работать.

– А как мне закрыть французский язык, не подскажете? – спросил я тетеньку.

– Это уже тебе надо самому думать. Я-то тут при чем?

Чтобы не терять время, пока я ищу вариант закрыть французский, я решил последовать примеру Алены и перевестись на английский. С ним все было проще. На нашем факультете его преподавали историки. Я заглянул на кафедру к ним:

– Сначала закройте долги по французскому, а потом уже мы сможем вас взять в английскую группу.

Такой ответ меня не устраивал. В нашей группе было два преподавателя по английскому. Первый – тетя-бочка, которая всех опрашивала на второй учебный день. Второй – двухметровый молодой мужик лет тридцати, похожий на Роберта Шона Леонарда. Как-то раз бочка заболела, и все из ее подгруппы были вынуждены прийти к нему. Как правило, когда иностранный язык стоял в расписании в середине дня, я гулял по университету в ожидании других пар, или просто уезжал домой, забывая на оставшиеся занятия. Но сейчас я решил пойти вместе с ними.

Я сидел с Гошей, английский он знал не лучше меня. Лео-

нард начал опрос. Ребята должны были подготовить рассказ о любом, выбранном ими персонаже. Половина рассказчиков не могла выдавить из себя и двух слов. Очередь дошла до Тани Погосян. Свой рассказ она начала более-менее уверенно, явно выделяясь на фоне других. Но вдруг Леонард прервал ее и спросил:

– Is he still alive?

– А... что?

– Is he still alive?

Повисла пауза. Даже я, со своим скудным знанием английского, понял, о чем идет речь. Поскольку я сам частенько оказывался на месте Тани, я сообразил, в чем ее проблема, и уже на русском подсказал ей:

– Все еще.

– Аа, да, жив, – ответила Таня Леонарду уже на английском.

Я задумался, какого черта я переживал, что не смогу учиться в английской группе. Тут же все такие, как я.

После пары я подошел к Леонарду.

– Прошу прощения. Я ходил на французский, но так получилось, что нашей группы больше нет. А переводить официально меня не хотят, пока я не закрою там долги. Могу я пока посещать ваши занятия, чтобы не терять времени, к сессии я уже разберусь с французским и смогу сдать у вас. А так получается, что пока я буду разбираться там, я не буду посещать ни один иностранный язык и, соответственно, буду те-

рять время. Что в дальнейшем приведет к новым задолженностям.

– Нет, разберитесь сначала с французским, а потом уже приходите на кафедру, может, они вообще вас зачислят не ко мне. До свидания.

Птичий рынок

Я зашел в нашу аудиторию и сел на свое место, около окна.

– Курлык, курлык.

Сначала я не обратил внимание на это.

– Курлык, курлык.

Звук был достаточно громкий. Можно было подумать, что в аудиторию залетел голубь. Я осмотрелся. Оказалось, что это действительно был голубь, и он попал в промежуток между окнами. В нашей аудитории были установлены старые окна с двойным стеклопакетом. Между первым и вторым стеклом расстояние было сантиметров пятнадцать. Сами окна были полтора метра в высоту. Проветривались они только через форточку, располагавшуюся под самым потолком.

Скорее всего, голубь сел на приоткрытую форточку, а потом каким-то образом упал в межоконное пространство. Из-за маленького расстояния между стеклами, он никак не мог взлететь. Несмотря на то, что уже была осень, солнце сильно припекало.

– Нужно его оттуда вытащить.

– Согласен с тобой Димон, – отозвался Женя.

Мы сходили в деканат и попросили ключ, которым можно было открыть одну ставню. В деканате нас перенаправили к ключнику.

– Ключа у меня нет, но я попробую открыть пассатижа-

ми, – сказал ключник.

Когда мы пришли в аудиторию, этот двухметровый кабан попытался залезть на парту, чтобы дотянуться до окна, но у него ничего не получилось.

– Слушай, боюсь, что парта не выдержит, попробуй ты, – обратился он ко мне и протянул пассатижи.

Я залез на парту и попытался повернуть шестигранник пассатижами. Безуспешно.

– Не, дружище, тут нужен ключ, – подытожил я.

– Я даже не знаю, что делать. Попробуйте сходить к техникам на первый этаж, – посоветовал ключник и тут же убежал к себе в комнату.

Мы с Женей спустились на первый этаж. Отыскав нужную комнату, мы увидели двух мужиков. Один был одет в оранжевый рабочий комбинезон, второй – в рваные джинсы и грязную футболку. Мужики сидели, пили чай и играли в карты. Женя описал им ситуацию и попросил открыть окно, чтобы выпустить голубя.

– Ничем не сможем вам помочь ребята. Ключ от окон у Васи, а он только на следующей неделе будет.

– Так голубь же сдохнет за это время! – удивлено констатировал я.

– Ну, что уж тут поделаешь, не я же его туда засовывал! – рассудил мужик в комбинезоне.

К концу недели голубь действительно сдох, но в пятницу к нему упал еще один. Которого тоже, вы не поверите, засу-

нул туда отнюдь не техник, поэтому и доставать его никто не собирался...

Польша

Я поехал с Машей на вокзал. Вместе со мной её провожали мать и Марина. Маша чуть не заплакала, когда прощалась с семьей. Они ушли чуть раньше меня. Я, незаметно для Маши, сунул ей в карман бумажку, на которой нарисовал сердечко. Когда я пришел домой, заметил, что на моей руке остались следы от Машиной туши для ресниц. Чуть позже мне позвонила ее мать:

– Ну, как попрощались, нормально?

– Да, все хорошо.

– Маша не плакала, когда ты уходил?

– Плакала.

– Да, странно, ну ладно, она обещала позвонить, как придет.

Голос у нее был недовольный. «Странно», – подумал я.

В Польше Маше нравилось.

– Тут много студентов, все иностранцы живут в отдельной общаге, с нами на этаже есть индусы, а еще тут дешевое пиво и намного лучше, чем то, что разливают у нас. Как разберу вещи, мы с девочками сходим погулять, потом еще созовимся.

Дни были похожи один на другой, но так как частенько к вечеру я бывал слегка пьян, меня это совершенно не напрягало. По выходным я стабильно хорошенько надирался

с Македонским. Его мать говорила ему:

– Снова идешь к этому Диме. Домой придешь пьяный, он тебя спаивает.

Моя же мать, когда изредка заходила ко мне, говорила:

– Откуда столько бутылок в мусорном баке? Снова у тебя был Македонский, он тебя спаивает.

Пока я спаивал Пашу, он спаивал меня. Маша отдыхала в Польше. Мы общались почти каждый день, а благодаря скайпу мы могли видеть друг друга.

– Мы ходили в бар, там наша одногруппница решила выступить, она пела и играла на гитаре. Мы пили какое-то вино, я немного перебрала, ты это уже заметил, наверное.

– Заметил, ничего страшного, в следующий раз контролируй себя.

Их комната имела прямоугольную форму. Вход был с меньшей стороны. Напротив двери, в другом конце комнаты, располагалось окно. Перед ним стоял стол, на который Маша ставила совой ноутбук, когда разговаривала со мной. Таким образом, вся комната попадала в кадр.

Как-то раз она показывала мне свое платье. Белое, с кружевами, легкое, длиной до колен. Потом положила его на кровать, и мы продолжили общение.

В их группе было всего двое парней. Один из них остался в Москве. Второй поехал с ними, но жил у каких-то своих родственников. Но помимо этих молодых людей с ними поехал еще один черт. Он работал в международном деканате,

учился на СЭПе и вообще-то не должен был ехать в Польшу, но вовремя подсуетился. Черт зашел в комнату как раз после того, как Маша разложила платье на кровати.

– Ой, какое у меня платье, ла-ла-ла, – передразнил он Машу.

Мне это не понравилось. Я сразу начал ревновать.

Маша улыбнулась, а кто-то из девочек ему что-то ответил.

– Ну, дай хоть померить, – продолжал черт.

– Не трогай, – сказала Маша, вполоборота развернувшись в сторону двери и тут же снова вернувшись в исходное положение.

Но он все равно сделал пару шагов к кровати.

– Да оставь ты его, – весело, сказала Маша, снова развернувшись вполоборота.

Мне показалось, что она была немного смущена, что было очень неприятно. Черт, несмотря на ее просьбы, поднял платье с кровати.

– Сейчас, подожди, – сказала Маша, и закрыла ноутбук.

Звонок сбросился автоматически. Я был неприятно удивлен, но 5—7 минут ждал, что она перезвонит. Потом ждал еще минут 10—15 и охуевал, меня переполняли негативные эмоции. Я думал обо всем, начиная с того: «какого хера себе позволяет этот черт, эта же моя девушка» и заканчивая этим: «они точно спят вместе».

Справиться со своим возмущением я решил так, как всегда это делал. Через 15 минут я уже сидел на том же месте

с полным пакетом пива Хамовники, по 34 рубля за бутылку. Это пиво располагалось на границе, между «совсем саньем» и «хорошим саньем», по нашей с Македонским классификации. Закончив возиться с пивом, я сразу уснул.

Утром я подумал: «Это моя девушка, и я ее люблю и доверяю ей. Свою ревность нужно засунуть куда-нибудь подальше».

Никита Осанав

Никита Осанав. Мне он показался похожим на немца. Ростом около 180 сантиметров. С черной густой бородой. На пары он всегда приходил в черных или серых дешевых костюмах. Носил очки-авиаторы. Осанав был с кафедры политологии. И преподавал нам одноименный предмет. Через шесть лет я смотрел интервью его коллеги – Екатерины Шульман, в котором она отметила: «В моей сфере социальных наук много странного преподается под названием политология, или социология, или культурология. Каждый преподаватель, естественно, преподает не то, что студентам надо, а то, о чем ему приятно поговорить. Поэтому все наши прекрасные кадры, воспитанные на научном марксизме-ленинизме, переквалифицировались с большим или меньшим успехом в политологов. И несут иногда такое, что возникает порыв заменить их роботами немедленно». Я сразу вспомнил Осанаву и улыбнулся.

Как и полагалась политологу, «которого хочется заменить на робота», большую часть пары мы слушали истории не по теме. Но, в отличие от 80% других преподавателей, эти истории были хоть как-то связаны с изучаемым предметом.

– Вот сейчас у нас демократия. Все вы, конечно же, счастливы. Но, если бы история пошла другим путем, могла бы быть и монархия. Что лучше? – как-то обратился к аудито-

рии Осанав.

– Демократия.

– Конечно, демократия.

– Наверное, демократия, – зашумели другие студенты.

– А я предлагаю ее осудить. Устроим суд демократии. Достойна она жить или нет? – задал нам риторический вопрос Осанав и продолжил: – Один из вас будет защищать демократию, и осуждать монархию. А другой – наоборот. На подготовку неделя. Есть желающие?

– Я хочу защищать демократию, – с воодушевлением сказала Люба.

– О, отлично, я и не сомневался, – одобрительно закивал головой Осанав. – Тогда я предлагаю на сторону монархии встать Алексею.

– Да не, давайте кто-нибудь другой, – недовольно сказал Леха.

– Я настаиваю, – вынес свое «демократичное» решение Осанав. – Суд состоится на следующей паре, хорошенько подготовьтесь.

После пары Миша подошел к Осанаву и застенчиво спросил:

– У меня к вам есть вопросы, можно?

– Спрашивай Михаил, спрашивай, не стесняйся.

Михан вышел с Осанавым в коридор и вернулся в аудиторию через полчаса, ближе к началу следующей пары.

– Мих, что ты у него выспрашивал так долго? – спросил я.

– Ничего, ничего. Так просто.

– Наверное, про своих коммунистов все заливал. Ты смотри, Осанав православный.

– Я тоже, – с гордостью ответил Миха.

– Получается у нас в группе уже два религиозных коммуниста, – сказал я.

– А кто еще? – поинтересовался Миша.

– Андрей, кто еще. – Сказал Эдик. – А что в итоге-то, нашел с Осанавым общий язык.

– Да, он хороший, он тоже против этих, – одобрительно сказал Миха.

– «Этих» – это кого? – спросил у него Жека.

– Ну, этих, европейцев и американцев, – объяснил Михан.

На следующей неделе состоялся обещанный суд. Первым на трибуну вышел Леха. Как обычно, он хорошо подготовился. Приведя ряд аргументов в пользу монархии, Леха начал мочить демократию.

– Но постой, ты говоришь, про древнюю Грецию, но там же была демократия, а значит, этот аргумент против монархии, а не наоборот, – защищая демократию, прервала его Люба.

– Прошу не забывать, что в древней Греции были рабы, которые не считались за людей. Вся эта демократия работала только на свободных. Древний грек не мог быть демократичным по отношению к своему рабу, так же, как и ты не можешь быть демократична по отношению к, скажем, стулу,

на котором сидишь. А значит, переводя на наши реалии, это все фикция, – ответил ей Леха. После его слов на лице Осанава растеклась улыбка.

Люба тоже, надо признать, неплохо подготовилась. Она вышла к трибуне. Привела аргументы в пользу демократии, и уже собралась мочить монархию, но ее прервал Осанав. Все выступление Лехи он просидел молча, а сейчас начал разбивать аргументы Любы.

После того, как он на правах преподавателя разнес в пух и прах большую часть аргументов Любы, настало время выносить вердикт.

– Мы выслушали обе стороны, а теперь, вы, как присяжные, должны решить, кто же победил: демократия или монархия. Удадитесь в коридор для принятия решения, – командовал Осанав.

Мы все выползли из аудитории и стали бурно обсуждать, какой Осанав нехороший, и как он стал «топить» Любу, хотя это должен был делать Леха. Симпатии большинства оказались на стороне демократии и Любы.

– Но я думаю, что все-таки нужно отдать победу Леше, – сказала Таня Долованова.

– Почему? – удивился я.

– Ну, он был, как-то убедительнее... ну, то есть, больше аргументов привел, – ответила мне Таня.

– Согласна, – поддержала сестру Юля Долованова.

– Да, согласна.

– И я согласна.

– Я за демократию, и, конечно, Осанав не должен был ее разносить, но все-таки, если уж так судить, то в пользу монархии аргументов было больше.

– Да, я также считаю, что монархия лучше, я за монархию! – провозгласил Михан, направив зачем-то указательный палец в потолок.

Почти все согласились с тем, что монархия победила.

– Но голосовать-то должны мы, – возразил я. – Так давайте проголосуем за демократию.

– Не, тогда Осанав нас не поймет. Выиграла же явно монархия, – ответила мне Таня Долованова.

– А я буду за монархию, Димон, просто потому, что мне Леха нравится больше Любы, – засмеялся Эд.

– Кто будет оглашать? – спросил Жека.

– Давайте я. – Предложила Таня. – Она открыла свою тетрадь и достала ручку:

– Кто за монархию поднимите руки. Так, записала. Кто против?

Мы вернулись в аудиторию и расселись по своим местам.

– Озвучивайте свое решение, присяжные, – объявил судья Осанав.

– Мы решили отдать победу монархии. Девять против трех, – озвучила Таня.

– Отлично, все молодцы. Любовь и Алексей получают по «отлично», – с довольным лицом подытожил Осанав.

В конце семестра Осанав вместо того, чтобы провести экзамен, объявлял отметки. Все, кто ходили и хоть что-то отвечали по делу, получили «отлично». Те, кто ходили и участвовали в дискуссиях, пользуясь логикой «говорить о том, что приятно», получили «хорошо». В их числе был я, Эдик и Жека. Все остальные получили «удовлетворительно» после небольшой беседы с преподавателем, которая тоже проходила в духе «разговоров о приятном».

Все, я выиграл

Выходные. Я и Македонский пьем виски у меня дома.

– Давай позовем Машу, – очередное спонтанное решение, как правило возникающее у Паши после 150—200 грамм.

– Давай, почему бы и нет.

Маша Троянская – наша одноклассница. Но до конца она с нами не доучилась, перешла в другую школу. Тем не менее, в первое лето после школы, и я, и Паша пытались с ней безуспешно переспать на общих пьянках.

Когда Маша пришла, Македонский сразу же ей налил.

– Нет, я сначала выпью пиво, виски, может, вообще не буду.

Спустя час, мы уже втроем допили бутылку 0,7 и отправились за добавкой в магазин. По улице мы шли, держась за ручки, Маша – в центре, а я с Македонским по бокам. Когда новая бутылка была куплена, мы решили прогуляться до дома Маши. Придя к ней, я почувствовал, что начинаю трезветь, и решил больше не пить, сославшись на то, что мне может стать плохо. Маша тоже не особо хотела пить, но Пашу было не остановить, и он распечатал новую бутылку.

– Давайте играть в карты на раздевание! – предложил Македонский.

– Можно, – согласился я.

– Давайте, сейчас схожу, поищу карты, – сказала Маша,

и вышла из комнаты.

Мы переглянулись с Пашей. После чего он наклонился ко мне и прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.